

УДК 81'27

UDC

DOI: 10.17223/23451734/3/8

О ДИНАМИКЕ ЯЗЫКОВЫХ СИТУАЦИЙ С УЧАСТИЕМ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ В XX в. (НА МАТЕРИАЛЕ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ И СЕВЕРО-ВОСТОКА КИТАЯ)

Е.А. Оглезнева

Томский политехнический университет,
Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 30;
Амурский государственный университет,
Россия, 675028, г. Благовещенск,
Игнатьевское шоссе, 21,
E-mail: eoglezneva@yandex.ru

Авторское резюме

Статья посвящена исследованию динамики языковых ситуаций с участием русского и других славянских языков в XX в. на территории Дальнего Востока России и Северо-Востока Китая. Рассматриваются современная языковая ситуация в Дальневосточном регионе России; языковая ситуация в русских селах Китая на правом берегу реки Амур и языковая ситуация в центре русского восточного зарубежья городе Харбине. Анализ языковых ситуаций базируется на материалах, полученных во время научных экспедиций, и осуществляется по единым основаниям. Это позволяет выявить общее и различное в данных ситуациях и объяснить, почему одни и те же языки при их взаимодействии в конкретных исторических обстоятельствах дают разный результат этого взаимодействия. Так, русский язык в XX в. на территории Дальнего Востока России стал коммуникативно и демографически доминирующей языковой системой среди других славянских и неславянских языков. В то же время в г. Харбине (КНР) русский язык являлся коммуникативно доминирующей системой при невысокой демографической мощности, а в русских селах Китая оказался «побежден» другой, более мощной коммуникативно и демографически языковой системой.

Ключевые слова: социолингвистика, языковая ситуация, славянские языки, русский язык, коммуникативная мощность, демографическая мощность.

THE DYNAMICS OF LINGUISTIC SITUATIONS WITH THE PARTICIPATION OF SLAVIC LANGUAGES IN THE 20th CENTURY (A CASE STUDY OF THE RUSSIAN FAR EAST AND NORTHEASTERN CHINA)

E.A. Oglezneva

Tomsk Polytecnic University

30 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia;

Amur State University

21 Ignatjevskoje Avenue, Blagoveshchensk,

675028, Russia

E-mail: eoglezneva@yandex.ru

Abstract

The article is devoted to the research of the dynamics of linguistic situations with the participation of Russian and other Slavic languages in the XX century in the Russian Far East and northeastern China. The paper studies linguistic situations such as a modern linguistic situation in the Russian Far East Region, the linguistic situation in Russian villages of China on the right bank of the Amur River, and the linguistic situation in the center of Russian east foreign countries in Harbin. The analysis of linguistic situations is based on materials, obtained during scientific expeditions, and is made according to unified criteria. It allows revealing common and different characteristics of these situations and explaining why the same languages have different result of interaction between each other in particular historical circumstances. Thus, the Russian language of the XX century in the Russian Far East became the language system, communicatively and demographically dominated among the other Slavic and non-Slavic languages. At the same time, in Harbin (PRC) the Russian language was a communicatively dominated system with low demographic capacity level. In Russian villages of China the Russian language was "won" by more communicatively and demographically powerful language system.

Keywords: sociolinguistics, linguistic situation, Slavic languages, the Russian language, communicative capacity, demographic capacity.

Французский лингвист А. Мартине писал о том, что многие исследователи, в том числе и некоторые из корифеев, «считали изучение распространения языков вполне достойным занятием для себя» (Мартине 1972: 81). Добавим к этому, что и результаты этого распро-

странения могут быть самыми неожиданными. Если же собрать сведения о причинах распространения некоторого языка, то, как пишет А. Мартине, «скорей всего мы придем к выводу, что оно является побочным продуктом военной, политической, религиозной, культурной, экономической или просто демографической экспансии народа, чьим орудием общения и является данный язык. Язык одолевает своих соперников не в силу каких-то своих внутренних качеств, а потому, что носители его являются более воинственными, фанатичными, культурными, предприимчивыми» (Мартине 1972: 81).

Опыт наблюдения в течение последних 15–20 лет, начиная с 2000 г., над языковыми ситуациями с участием русского языка на территории Дальнего Востока России, прилегающей к Северо-Восточному Китаю, и на территории Северо-Восточного Китая подтверждает это общее высказывание А. Мартине, однако демонстрирует разный результат в отношении одного и того же языка – русского, который был в центре нашего исследовательского внимания.

Новизна и актуальность проведенного исследования заключаются в том, что оказались описанными несколько языковых ситуаций с участием русского языка, в том числе уникальных, сложившихся в условиях фронтирного существования (Оглезнева 2009: 44–63; Оглезнева 2011: 7–25; Блохинская 2014: 39–66; Гордеева 2014: 98–125), и результат такого описания позволяет представить сложное полотно славянского языкового присутствия на разных территориях, делать прогнозы, касающиеся судеб этого присутствия, и выстраивать языковую политику в соответствии с поставленными целями.

Под языковой ситуацией традиционно понимается «совокупность форм существования (а также стилей) одного языка или совокупность языков в их территориально-социальном взаимоотношении и функциональном взаимодействии в границах определенных географических регионов или административно-политических образований» (Швейцер, Никольский 1978: 101; Виноградов 1990: 616). Крупные государства по причине своей полиэтничности и многоязычия могут представлять сразу несколько языковых ситуаций. По определению Н.Б. Мечковской, «отдельная языковая ситуация – это лингвогеографическое (ареальное) единство языков и подязыков, которые действительно соседствуют в границах социума, соприкасаются и взаимодействуют между собой» (Мечковская 2001: 160). На этом основании вполне правомерно говорить сразу о нескольких языковых ситуациях, наблюдаемых на указанных территориях, как отдельных

языковых ситуациях. При этом объединяет их территориальная и хронологическая смежность.

Подходы к изучению языковых ситуаций в указанном регионе и методика их исследования были тождественны, это позволило определить их место в общей типологии.

Важным этапом в исследовании каждой конкретной языковой ситуации было ее непосредственное наблюдение в полевых условиях во время научных экспедиций в дальневосточные села, а также в так называемые русские села Китая, расположенные по правому берегу Амура, и в китайский город Харбин. Все обозначенные локусы характеризуются в разной степени выраженным многоязычием.

Следующим этапом было социолингвистическое описание языковой ситуации с учетом различных внешних факторов, повлиявших на ее формирование: исторических, политических, экономических и других, и с опорой на статистические данные, касающиеся количественных и качественных параметров состава населения той или иной территории. Результатом такого исследования становилось описание количественных и качественных характеристик языковой ситуации: определялись число идиомов данной конкретной языковой ситуации, их демографическая и коммуникативная мощность, лингвистический характер входящих в языковую ситуацию идиомов (одноязычная / многоязычная), структурно-генетические отношения между идиомами, функциональная равнозначность / неравнозначность идиомов, характер доминирующего в государственном масштабе идиома, а также учитывались оценочные характеристики языковой ситуации, связанные с оценкой идиомов «с точки зрения коммуникативной пригодности, эстетичности, культурной престижности» (Виноградов 1990: 616).

Далее осуществлялось собственно лингвистическое изучение языковой ситуации. Основным методом на этом этапе выступал метод речевого портретирования членов многоязычных языковых коллективов. На основании созданных речевых портретов можно было составить представление о языковой компетенции членов социума, находящихся в многоязычной языковой ситуации, и, что самое важное, по динамике языковой компетенции носителей многоязычных социумов, по конкурентоспособности обусловленных языковым взаимодействием вариантов в их речи судить о векторах языкового изменения в целом.

Языковая ситуация как совокупность идиомов не является неким статичным образованием. Способность изменяться во времени является неотъемлемым свойством, пожалуй, любой языковой ситуации. В связи с этим возникает вопрос о том, что выступает двигающей силой данного изменения, что запускает эти динамические процессы в тот или иной момент времени.

Интересную картину в этом плане демонстрируют рассмотренные нами языковые ситуации. На указанных территориях в число идиомов, составляющих там языковую ситуацию, входили славянские языки, среди которых преобладали восточнославянские – русский, украинский, белорусский, а среди восточнославянских доминирующую позицию занимал русский язык.

Необходимо указать на то, что формирование языковых ситуаций с участием славянских языков на Дальнем Востоке России и Северо-Востоке Китая происходило на исторически неславянской территории.

Анализ собственно лингвистических и экстралингвистических факторов, формирующих языковые ситуации на указанных территориях, позволил выявить те из них, которые и задали вектор их динамического развития.

Остановимся более подробно на исследованных нами языковых ситуациях, делая акцент на их славянской составляющей и ее динамике.

Языковая ситуация на российском Дальнем Востоке в XX в.

До славянского присутствия в регионе языковая ситуация на российском Дальнем Востоке была представлена языками аборигенных народов Дальнего Востока и народов Китая. Переселение восточных славян началось во второй половине XIX в., и их языки и диалекты качественно изменили языковую ситуацию. Особо необходимо отметить переселенческий процесс из Украины, который, наряду с переселением русских из европейской части России и Сибири, носил масштабный характер. По данным переписи разных лет, украинцы составляли вторую по численности после русских славянскую этническую группу на Дальнем Востоке и, в частности, в Приамурье. Так, в 1886 г. 46,5 % всех переселенцев в Амурскую область составляли украинцы, в 1890 – 59,6 % (Блохинская 2014: 44). В результате столь

активного украинского заселения края возникло понятие о такой дальневосточной территории, как Зеленый Клин, называющей место проживания украинцев на дальневосточной земле.

Многоязычность, «этнографическая помесь» всегда являлась яркой чертой края, создавала его своеобразный колорит. Такая полиэтничность в Дальневосточном регионе сопровождалась функционированием различных языков и языковых форм: восточнославянских диалектов, в том числе довольно консервативных говоров русских старообрядцев, русского просторечия, языков местного автохтонного населения и других народов восточной Азии – китайцев, корейцев, японцев; кроме того, существовали и контактные, редуцированные языковые образования для коммуникации русских с китайцами и представителями «инородческого», автохтонного населения края, а именно русско-китайский пиджин.

Из всех славянских языков лишь русский на Дальнем Востоке функционировал и в литературной форме, которая обслуживала различные общественно-значимые сферы. Позиция русского языка, начиная с середины XIX в., безусловно укреплялась его высоким статусом: для региона, который с 1858 г. вошел в состав России, по своим выполняемым функциям это был язык государственный, являясь символом России как государства, официальный, т. е. язык государственного управления, законодательства, судопроизводства, и титульный – имеющий название, совпадающее с именем этноса, по которому названо национально-государственное образование (Вахтин, Головкин 2004: 42).

Украинский и белорусский языки функционировали в диалектной форме по причине численного преобладания носителей этой формы – крестьян-переселенцев из Украины и Белоруссии.

В случае с белорусским языком преобладание диалектной формы было абсолютным. Несколько иная ситуация с украинским языком. Известно о функционировании литературной формы украинского языка в Дальневосточном регионе в начале XX в., но ее широкого распространения не произошло.

С течением времени славянский облик региона существенно изменился. В табл. 1 отражена динамика славянской составляющей, сопоставлено ее качество в конце XIX и в конце XX в. через указание на состав функционирующих идиомов, показано возрастание роли русского языка при угасании функций других славянских языков, бытовавших в регионе.

Изначально позиция русского языка в регионе была сильнее, во-первых, вследствие численного превосходства его носителей и, во-вторых, вследствие его статуса. В конце XX в. литературная форма русского языка являлась доминирующей в социальной коммуникации и обладала безусловным общественным престижем.

Т а б л и ц а 1

**Динамика славянской составляющей
в языковой ситуации российского Дальнего Востока**

Восточнославянские языки, функционирующие в регионе	Конец XIX в.: функционирование языковых форм в порядке убывания их значимости	Конец XX в.: функционирование языковых форм в порядке убывания их значимости
Русский язык (с преобладающим численно составом носителей)	Диалект / ЛЯ (в функ- ции государственного) / Просторечие	ЛЯ / Диалект / Просторечие
Украинский язык (со значительным, но не преобладающим составом носителей)	Диалект / ЛЯ (без функции государственного)	Диалект (реликты)
Белорусский язык (с незначительным составом носителей по сравнению с русским и украинским)	Диалект	Не обнаружено

Русские говоры в Дальневосточном регионе к концу XX в. в значительной мере нивелировались под влиянием русского литературного языка: все меньше остается в современных селах представителей диалектного типа речи, все больше – представителей смешанного и литературного типов. Кроме того, русские говоры в Приамурье испытывали влияние инодиалектных, украинских и белорусских говоров на разных уровнях своей системы, в первую очередь, на лексическом, что составляет специфику русских говоров в регионе.

Позиция украинского языка в сравнении с русским оказалась слабее. Численность украинского населения всегда была ниже численности русского населения в регионе, следовательно, меньшим было число носителей этого языка. Литературная форма украинского языка не имела тех благоприятных условий для своего продвижения, поскольку социальный статус украинского языка не был столь высоким, как у русского: он не был ни государственным, ни официальным, ни титульным.

Отсутствие планомерной государственной политики уже советской власти по поддержанию украинской этнической группы как отдельной, «самостийной» на Дальнем Востоке, а вместе с этим и украинского языка как рупора этого славянского этноса в печати, образовании и других областях жизнедеятельности на украинском языке, способствовало ее постепенному растворению в славянском населении Дальнего Востока и в конце концов приводило к русификации. Поддержанию украинской ноты в диалектном многообразии российского Дальнего Востока, в частности Приамурья, в XX в. способствовали новые волны переселенцев из Украины.

Белорусский язык, наиболее слабо представленный в регионе по сравнению с другими восточнославянскими языками по числу носителей и бытовавший только в диалектной форме, к концу XX в. практически не обнаруживает себя. Причины видятся в отсутствии социальной статусности и коммуникативной мощности: он, так же, как и украинский язык, не выполнял функции государственного, официального, титульного; однако в отличие от украинского, у которого был опыт представления в регионе не только в диалектной, но и в литературной форме, белорусский язык таким опытом не обладал.

Потомки белорусских переселенцев, с которыми довелось беседовать в селах Амурской области, говорят на русском диалекте, но в их речи присутствует как белорусское, так и малоросское – украинское – влияние, проявляющееся в присутствии белорусской и украинской лексики. Таким образом, и здесь налицо междиалектное взаимодействие, но с другим, более ассимилятивным результатом: наблюдается переход на иную – русскую – диалектную систему с сохранением элементов материнского говора.

Таким образом, можно сделать вывод о постепенной утрате украинского и белорусского языков его носителями и абсолютном доминировании русского языка во всем многообразии его форм. Такому положению дел способствовала национальная и языковая политика Советского государства. Так, в 1930-е гг. русификация языков в СССР являлась всеобщей тенденцией, которая усилилась в послевоенное время, когда «СССР взял курс на упрочение языка нации, победившей в Великой Отечественной войне» – русского языка (Коряков 2002: 36, 39). «В 1950–60 годах был популярен лозунг о неизбежном слиянии наций в ходе строительства коммунизма: все это привело к снижению внимания к развитию всех остальных языков, кроме русского», – отмечал Ю.Б. Коряков (Коряков 2002: 39).

Анализ языковой ситуации на Дальнем Востоке на протяжении как минимум последних двух столетий дает полное основание утверждать ее многообразие, проявляющееся в функционировании на исследуемой территории в указанный период множества языков и языковых форм, различных по своему происхождению, типологическим свойствам, коммуникативной и демографической мощности, статусу. Исторические обстоятельства влияли на качество языковой ситуации в регионе и обуславливали ее динамику. Тот результат, который мы наблюдаем в настоящий момент, есть результат воздействия как объективных, так и субъективных факторов, которые в совокупности показывают конкретную и по-своему уникальную языковую ситуацию и в то же время – эволюционную закономерность, позволяющую строить языковые прогнозы в иных пространственно-временных координатах.

Языковая ситуация в русских селах Китая в XX в.

Совсем иная картина наблюдается на противоположном берегу Амура – в так называемых русских селах Китая, где проживают потомки русских переселенцев, охраняемые с недавнего времени законами КНР как национальное меньшинство. Это, например, села Бяньцзян, Хунцзянь, Чэлу, Вэйдун, Сядаогань, Шандаогань уезда Сюнькэ, село Хадаянь уезда Сунью городского округа Хэйхэ провинции Хэйлунцзян. Так, по имеющимся современным данным, в селе Бяньцзян в настоящее время насчитывается 311 семей, в 146 из которых есть потомки русских переселенцев. Всего в селе проживает 1 087 человек, из них 364 (44,1 % от общего числа) имеют русские корни. В селе Чэлу – 456 семей, всего 1 983 человека. Из них в 61 семье проживают 268 человек русского происхождения (14 % от общего числа). В Хадаяне в настоящее время проживает более 300 семей, в 50 из которых есть потомки русских, приблизительно 200 человек. Согласно данным Хэйхэйского управления по делам национальностей в 2000 г. общее число жителей городского округа Хэйхэ, имеющих русские корни, составляло 2 521 человек (Гордеева 2014: 102).

Русские переселенцы появились на правом берегу Амура в 30–40-е гг. XX в., эмигрируя из России из-за тяжелых условий жизни, из боязни не выжить в Великую Отечественную войну на родине. Но, спасшись физически, они, в большинстве своем, не сохранили

свой этнос: их потомки уже в первом поколении начали утрачивать материнский язык – русский: на нем переставали говорить, приспосабливаясь к условиям новой языковой среды.

Немаловажно то, что по социальному статусу это были крестьяне, а следовательно – носители диалекта, который как непрестижный бесписьменный вариант языка оказывается идиомом, менее устойчивым перед интерферирующим влиянием другого языка в ситуации языкового контакта.

По национальному составу это были преимущественно русские, встречались и представители других славянских народов, например украинцы, о чем свидетельствуют сохранившиеся документы – анкеты эмигрантов, в которых они сами указывали свою национальность (Гордеева 2014: 103).

Главными компонентами языковой ситуации на указанной территории являются идиомы двух языков: русского китайского. В этой ситуации русский язык оказался «не победителем, а побежденным». В приграничном с Россией Китае в середине и конце XX в., в селах, расположенных по правому берегу Амура, где проживали русские переселенцы и их потомки, абсолютной демографической и коммуникативной мощностью обладал китайский язык.

Те, кто в начале XXI в. еще сохранял русский язык (а это поколение детей переселенцев) говорили на нем несвободно. В их языковой компетенции китайский язык был первым и доминирующим. Поколение внуков уже не говорит на языке своей исторической родины, в лучшем случае знают некоторые русские слова и фразы. Поколение правнуков также говорит только по-китайски, но среди них есть такие, у которых проявляется тенденция к изучению русского языка в школе и университете с целью использовать его в будущей профессиональной деятельности, и это подкрепляется их желанием ощущать причастность к своим русским корням.

Среди объективных факторов утраты русского языка на правом берегу Амура в Китае в среде русских переселенцев необходимо назвать отсутствие социальных институтов на русском языке – школы, печати, производства и т.д., а также отсутствие церкви как мощного консервативного фактора, сдерживающего утрату родного языка.

Кроме того, необходимо отметить и субъективный фактор, способствовавший утрате родного языка: у рассматриваемой группы русских и их потомков в данной языковой ситуации отсутствовала сознательная установка на сохранение родного языка, не было

ощущения временности пребывания на чужой территории – в Китай уходили навсегда. В большинстве своем это были женщины, бывшие замужем за китайцем, или женщины с детьми, которых, как им казалось, легче будет вырастить в Китае. Отсутствие выраженного мотива сохранить себя как этническую группу в иноязыковой и инокультурной среде, стремление погрузиться в нее приводят к скорейшему уходу от родного языка, родного этноса и его культуры.

Разрушительным для русского языка фактором в рассматриваемой языковой ситуации стало такое историческое событие в Китае 60-х гг. прошлого века, как культурная революция, которая нивелировала национальное самосознание и языковую принадлежность русских. На этом фоне ассимилятивные тенденции усиливались, родной язык уходил из повседневного обихода и забывался.

К числу разрушительных для русского языка в приграничном Китае факторов можно отнести и смешанные браки с представителями китайской национальности. В этом случае языком домашнего общения становился, как правило, китайский, совпадавший с языком повседневной общественной коммуникации и поддерживаемый ею.

Таким образом, нескольких десятков лет (в человеческом измерении – всего двух поколений) оказывалось достаточно, чтобы язык был забыт, и в данной языковой ситуации ее славянской составляющей был предопределен печальный исход – утрата.

Языковая ситуация в Харбине (Китай) XX в.

Языковую ситуацию в городе Харбине, находившемся на территории Китая и бывшем в XX в. центром русского восточного зарубежья, можно считать уникальной. Этот город был основан в 1898 г. в связи со строительством Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) – российско-китайского проекта на территории Китая, предполагающего совместное пользование дорогой в течение ближайших 100 лет. Харбин был построен российскими инженерами и архитекторами по образу и подобию городов России. Как центр русской восточной эмиграции он просуществовал до начала 60-х гг. XX в., до последнего массового исхода русских оттуда.

Особой чертой Харбина являлось то, что изначально это был многонациональный и многоязычный город. Так, архивные данные за 1910 г. свидетельствуют, что европейское население в Харбине в этот период составляло 32 320 человек, из них 31 269 были

русскоподданными (русские, украинцы, белорусы, армяне, грузины, евреи и др.), евреи – 452, германскоподданные (в том числе немцы) – 166, греки – 92, англичане – 83, французы – 60, поляки – 53, турки – 40, чехи – 33, австрийцы – 21, меньше 20 человек составляли итальянцы, грузины, испанцы, болгары, американцы, шведы и швейцарцы (Василенко 1998: 63). Бурный рост Харбина привел к тому, что уже к 1917 г. число его жителей превысило 100 тыс. человек, из них русских было свыше 40 тыс. (Аблова 2004: 66). К 20-м гг. XX в. еврейская этническая группа в Китае составляла 7 тыс. человек, украинская, по разным данным, – от 2 до 20 тыс., польская – 2,5–5 тыс. (Аблажей 2007: 44). Большая часть представителей разных этносов была сосредоточена в Харбине. Таким образом, в Харбине сложился своеобразный многонациональный конгломерат.

Средством общения внутри этнических групп в Харбине оставался родной язык, который, являясь существенным признаком этноса, позволял этнической группе самоидентифицироваться. Необычным фактом является то, что в Харбине можно было жить, не зная языка страны проживания – китайского, пользуясь только родным языком.

Полагаем, что языки многочисленных национальных групп в Харбине, сосуществуя и выступая в качестве средства общения внутри групп, не претерпели и не могли претерпеть за столь короткий срок – несколько десятилетий – каких-либо существенных изменений своей системы. Более того, языки вторичных этнических групп, функционируя вне метрополии, испытали консервацию вследствие своего изолированного существования. Об этом свидетельствуют, например, наблюдения над языком последних представителей русской диаспоры в Харбине, всю жизнь проводивших в китаеязычном окружении (Оглезнева 2009: 178–193; 213–214; 268–269), а также наблюдения над языком харбинской и постхарбинской русской периодики и литературы мемуарного характера (Оглезнева 2009: 126–131).

В фокусе нашего внимания находятся языки двух самых больших по количественной представленности в Харбине и по всей линии КВЖД этнических групп – китайцев и русских.

Китайский язык – официальный язык Китая и язык значительной части местного населения в Харбине и его окрестностях в первой половине XX в. Китайская этническая общность в рассматриваемых условиях доминировала в силу своего количественного превосходства и исторически сложившейся государственной закреплённости на

данной территории. Однако китайский язык как язык доминирующего этноса не оказывал значительного влияния на другие языки, сосуществующие с ним по воле исторического случая, и не подавлял их.

Укажем на функции русского и китайского языков в Харбине и по линии КВЖД как языков больших этнических групп, одна из которых характеризуется пребыванием на своей исконной территории, другая же – «пришлая».

Титульным языком на всей территории Китая являлся и является китайский язык. Он выполнял функции государственного и официального языка в этой стране. Русский же по своим функциям – не титульный и не государственный, но являлся официальным в Китае (в Харбине и по линии КВЖД) в первой половине и середине XX в., пока там существовал ряд общественных институтов на русском языке в местах компактного проживания русских. К числу этих институтов следует отнести образование, печать, производство и некоторые другие, в которых официальная и неофициальная коммуникация осуществлялась на русском языке (Оглезнева 2009: 25–36).

Парадоксальность харбинской языковой ситуации в Харбине заключается и в том, что при большей демографической мощности китайского языка была выше коммуникативная мощностъ русского языка на территории чужого государства. Табл. 2 демонстрирует демографическую мощностъ разных языков в этом городе в 10–20-е гг. XX в. (Оглезнева 2009: 50–53). Русский язык имеет показатель от 0,297 до 0,456, а китайский – от 0,483 до 0,681 в разные годы, но он всегда выше.

Коммуникативная мощностъ языка определялась по количеству сфер его использования. Русский язык в Харбине по сравнению с другими языками в 20-е гг. XX в. обладал наибольшей коммуникативной мощностъю, равной единице. При этом коммуникативная мощностъ китайского языка в этот же период имеет показатель 0,73 (Оглезнева 2009: 55). Данные по другим языкам в Харбине, в том числе по славянским, которые также были представлены в этом городе и имели реализацию в различных коммуникативных сферах, представлены в табл. 3.

Размышляя над причинами сохранности русского языка в Харбине и по линии КВЖД в начале и середине прошлого века, отметим следующее.

Во-первых, там присутствовала русская языковая среда, близкая к естественной, поскольку русскую восточную эмиграцию составляли

люди разных социальных слоев и сословий, репрезентирующих в своей речи разные варианты национального языка.

Во-вторых, это широта сфер применения русского языка в восточном зарубежье, выполнение функций официального языка и обслуживание им таких важных общественных институтов, как религия, образование, печать.

В-третьих, это его высокий престиж у местного китайского населения, стремившегося говорить по-русски и получать образование на русском языке.

В-четвертых, это наличие речевого эталона в восточном зарубежье и общественная языковая политика, направленная на его сохранение.

Таблица 2

**Демографическая мощь языков, функционировавших в Харбине
в 10–20-х гг. XX в.**

Год	Рус- ский	Китай- ский	Япон- ский	Англий- ский	Немец- кий	Фран- цуз- ский	Корей- ский	Дру- гие	Общий показа- тель
1914	0,38	0,5	0,007	0,0004	0	0	0,0007	0,104	0,9921
1920	0,456	0,525	0,013	0,0008	0,0002	0,0002	0,003	0,0006	0,9988
1922	0,4	0,483	0,01	0,0008	0,0003	0,0002	0,002	0,095	0,9913
1925	0,297	0,681	0,01	0,0008	0,0005	0,0004	0,003	0,006	0,9987

Таблица 3

Коммуникативная мощь языков, функционировавших в Харбине в 20-х гг. XX в.

Язык	Производство	Торговля	Юриспруденция	Дипломатия	Журналистика	Образование	Наука	Религия	Театр	Спорт	Быт	Коммун. мощность
Русский	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	1
Китайский	+	+	+	+	+	+	–	+	–	–	+	0,73
Польский	–	–	–	+	+	+	–	+	–	–	+	0,45
Украинский	–	–	–	–	+	+	–	+	+	–	+	0,45
Белорусский	–	–	–	–	–	–	–	+	–	–	+	0,18
Французский	–	–	–	+	–	–	–	–	–	–	+	0,18
Корейский	–	–	–	–	–	–	–	+	–	–	+	0,18
Церковно- славянский	–	–	–	–	–	–	–	+	–	–	–	0,09

Наконец, в-пятых, это высокий статус русского языка в восточном зарубежье как языка русской национальной культуры, как средства этнического объединения русских.

Итак, анализ нескольких языковых ситуаций на Дальнем Востоке России и Северо-Востоке Китая с участием славянских языков демонстрирует, как может показаться на первый взгляд, их эклектичность, неорганичность хотя бы по причине того, что в них взаимодействуют идиомы, порой чрезвычайно различные в плане языковой типологии (китайский и русский языки, например). При внимательном рассмотрении этих ситуаций мы обнаруживаем в них общее русло развития, в значительной мере обусловленное социальным фактором, и вынуждены признать, что типологическое различие языков несущественно влияет на конечное качество сформированной на какой-то определенный момент языковой ситуации.

Славянский сюжет на территории Дальнего Востока с участием русского, украинского и белорусского языков заканчивается «победой русского языка», его доминированием во всех коммуникативно значимых сферах и нивелировке украинского и белорусского языков, а именно их диалектных форм, в которых эти языки функционировали на дальневосточной территории с конца XIX в. Абсолютное доминирование русского языка в начале XXI в. при полном исчезновении белорусского и сохранении реликтов украинского в речи отдельных личностей можно объяснить влиянием доминирующей во всех коммуникативных сферах литературной формы русского языка – языка титульного и государственного.

Славянский сюжет в китайском приграничье заканчивается практически полным поражением русского языка, поскольку он забыт уже во втором поколении большинством этнических русских, переселившихся в Китай в середине XX в., и сохраняется лишь в речи отдельных личностей в интерферированном виде. Причина утраты русского языка его носителями и ослабления его положения среди языков, которые участвовали в формировании языковой ситуации в приграничном Китае, в том, что доминирующим на данной территории вследствие выполнения функций титульного и государственного языка был китайский язык, и это привело к неактуальности общения на русском языке.

Нетипичным является развитие славянского сюжета в русском Харбине в начале и середине XX в. Языковую ситуацию там можно определить как феноменальную по той причине, что русский язык в

Харбине и на прилегающей к нему линии КВЖД, т. е. на территории чужого государства, обладал высокой коммуникативной мощностью, превышая коммуникативную мощность китайского языка – языка более мощного демографически, языка титульного и государственного. Русский язык там продемонстрировал высокую степень сохранности и жизнеспособности, обусловленную как поддержкой различных социальных институтов, функционирующих на языке, так и влиянием субъективных факторов как-то: высокий статус, престиж языка как языка более цивилизованного языкового коллектива, а также стремлением носителей русского языка к сознательному его сохранению как символа национальной идентичности.

Проведенное исследование вносит свою лепту в типологию языковых ситуаций вообще и типологию языковых ситуаций с участием славянских языков в частности, которые характеризуются разнообразием и своей спецификой в зависимости от конкретных условий их формирования.

ЛИТЕРАТУРА

Аблажей 2007 - *Аблажей Н.Н.* С востока на восток: Российская эмиграция в Китае / Отв. ред. В.А. Ламин. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2007. 300 с.

Аблова 2004 - *Аблова Н.Е.* КВЖД и российская эмиграция в Китае: Международные и политические аспекты истории (первая половина XX в.). М.: НД ИД «Русская панорама», 2004. 432 с.

Блохинская 2014 - *Блохинская А.В.* Современные русские говоры на Дальнем Востоке как результат взаимодействия разных диалектных систем // Языковая ситуация на Дальнем Востоке России и приграничной территории (на материале Приамурья и провинции Хэйлунцзян, Китай) / Под. ред. Е.А. Оглезневой. Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2014. С. 39–66.

Василенко 1998 - *Василенко Н.А.* О численном и национальном составе населения Харбина в 1898–1917 гг. // Дальний Восток – Северо-Восток Китая: исторический опыт взаимодействия и перспективы сотрудничества: материалы международной науч.-практ. конф. Хабаровск: Частная коллекция, 1998. С. 62–64.

Вахтин, Головкин 2004 - *Вахтин Н.Б., Головкин Е.В.* Социолингвистика и социология языка СПб.: Гуманитарная Академия: Изд-во Европ. ун-та в СПб., 2004. 336 с.

Виноградов 1990 - *Виноградов В.А.* Языковая ситуация // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 616–617.

Гордеева 2014 - Гордеева С.В. Русский язык в приграничном Китае, его роль в формировании языковой ситуации // Языковая ситуация на Дальнем Востоке России и приграничной территории (на материале Приамурья и провинции Хэйлунцзян, Китай) / Под ред. Е.А. Оглезневой. Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2014. С. 98–125.

Коряков 2002 - Коряков Ю.Б. Языковая ситуация в Белоруссии и типология языковых ситуаций: дис. ... канд. филол. наук. М., 2002. 129 с.

Мартине 1972 - Мартине А. Распространение языка и структурная лингвистика. Новое в лингвистике. М., 1972. Вып. 6. С. 81–93.

Мечковская 2001 - Мечковская Н.Б. Общее языкознание: Структурная и социальная типология языков. М.: Флинта; Наука, 2001. 312 с.

Оглезнева 2009 - Оглезнева Е.А. Русский язык в восточном зарубежье (на материале русской речи в Харбине). Благовещенск: АмГУ, 2009. 352 с.

Оглезнева 2011 - Оглезнева Е.А. Языковая ситуация в Приамурье: динамический аспект. Историко-лингвистический очерк // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Вып. 9: Славянское языковое взаимодействие в Дальневосточном регионе / Под ред. Н.Г. Архиповой, Е.А. Оглезневой. Благовещенск: АмГУ, 2011. С. 7–25.

Швейцер, Никольский 1978 - Швейцер А.Д., Никольский Л.Б. Введение в социолингвистику. М.: Высш. шк., 1978. 216 с.

REFERENCES

Ablazhey, N.N. (2007) *S vostoka na vostok: Rossiyskaya emigratsiya v Kitae* [From the East to the East: The Russian emigration in China]. Novosibirsk: SB RAS.

Ablova, N.E. (2004) *KVZhD i rossiyskaya emigratsiya v Kitae: Mezhdunarodnye i politicheskie aspekty istorii (pervaya polovina XX v.)*. [CER and the Russian emigration in China: International and political aspects of the history (the early 20th century)]. Moscow: Russkaya panorama.

Blokhinskaya, A.V. (2014) *Sovremennye russkie govory na Dal'nem Vostoke kak rezul'tat vzaimodeystviya raznykh dialektnykh sistem* [Modern Russian dialects in the Far East as the result of interaction of different dialect systems]. In: Oglezneva, E.A. (2014) *Yazykovaya situatsiya na Dal'nem Vostoke Rossii i prigranichnoy territorii (na materiale Priamur'ya i provintsii Kheylyuntszyan, Kitay)* [The linguistic situation in the Russian Far East and the near-border territory (a case study of Amur River region and Heilongjiang province, China)]. Blagoveshchensk: Amur State University Publ. pp. 39-66.

Vasilenko, N.A. (1998) [The number and ethnic composition of Harbin population in 1898–1917]. *Dal'niy Vostok – Severo-Vostok Kitaya: istoricheskiy opyt vzaimodeystviya i perspektivy sotrudnichestva* [The Far East – Northeast of China: The historical experience of interaction and prospects for col-

laboration]. Proc. of the International Research Conference. Khabarovsk. pp. 62-64. (In Russian).

Vakhtin, N.V. & Golovko, E.V. (2004) *Sotsiolingvistika i sotsiologiya yazyka* [Sociolinguistics and sociology of a language]. St. Petersburg: Academy for the Humanities: European University at St. Petersburg.

Vinogradov, V.A. (1990) Yazykovaya situatsiya [The linguistic situation]. In: Yartsev, V.N. (ed.) *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [The Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya. pp. 616-617.

Gordeeva, S.V. (2014) Russkiy yazyk v prigranichnom Kitae, ego rol' v formirovaniy yazykovoy situatsii [The Russian language in the near-border China, its role in forming the linguistic situation]. In: Oglezneva, E.A. (2014) *Yazykovaya situatsiya na Dal'nem Vostoke Rossii i prigranichnoy territorii (na materiale Priamur'ya i provintsiy Kheyluntszyan, Kitay)* [The linguistic situation in the Russian Far East and the near-border territory (a case study of Amur River region and Heilongjiang province, China)]. Blagoveshchensk: Amur State University Publ. pp. 98-125.

Koryakov, Yu.B. (2002) *Yazykovaya situatsiya v Belorussii i tipologiya yazykovykh situatsiy* [The linguistic situation in Belarus and the typology of linguistic situations]. Philology Cand. Diss. Moscow.

Martine, A. (1972) Rasprostraneniye yazyka i strukturnaya lingvistika [A language spreading and structural linguistics]. *Novoe v lingvistike*. 6. pp. 81-93.

Mechkovskaya, N.B. (2001) *Obshchee yazykoznanie: Strukturnaya i sotsial'naya tipologiya yazykov* [General linguistics: Structural and social typology of languages]. Moscow: Flinta; Nauka.

Oglezneva, E.A. (2009) *Russkiy yazyk v vostochnom zarubezh'e (na materiale russkoy rechi v Kharbine)* [The Russian language in the East foreign contries (a case study of the Russian speech in Harbin)]. Blagoveshchensk: Amur State University.

Oglezneva, E.A. (2011) Yazykovaya situatsiya v Priamur'e: dinamicheskiy aspekt. Istoriko-lingvisticheskiy ocherk [The linguistic situation in Amur River region: the dynamic aspect. A historical and linguistic essay]. In: Arkhipova, N.G. & Oglezneva, E.A. (eds) *Slovo: Fol'klorno-dialektologicheskiy al'manakh. Slavyanskoe yazykovoe vzaimodeystvie v Dal'nevostochnom regione* [The word: Folklore and dialect anthology. The Slavic language interaction in the Far East region]. Issue 9. Blagoveshchensk: Amur State University. pp. 7-25.

Shweizer, A.D. & Nikol'skiy, L.B. (1978) *Vvedeniye v sotsiolingvistiku* [Basics of the sociolinguistics]. Moscow: Vysshaya shkola.

Оглезнева Елена Александровна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка как иностранного Национального исследовательского Томского политехнического университета и профессор кафедры русского языка Амурского государственного университета.

Oglezneva Elena Alexandrovna – Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department of Russian Language as foreign, National Research Tomsk Polytecnic University, and Professor of the Department of Russian Language, Amur State University.

E-mail: eoglezneva@yandex.ru